

Шетова Римма Адиевна, Урусов Руслан Хаталиевич

СИМВОЛИКА И НОМИНОЛОГИЯ ПОВЕСТИ Х. И. ТЕУНОВА "АСЛАН"

В статье исследуется символический и связанный с ним номинологический план повести Х. И. Теунова "Аслан". Основное внимание сосредоточено на проблеме толкования и соотношения имен персонажей повести в их связи с ее лейтмотивом. Прослеживается предопределенность духовной трансформации главного героя семантикой его имени, также посредством интерпретации имен выявляются функции отдельных персонажей, скрытые в подтексте произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 56-58. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. Eileng N. A. Sport som konkurransearena mellom NRK og TV 2 // Norsk medietidsskrift. 2002. № 2. S. 13-14.
8. Jacobsen D. R. Fra monopol til marked. Reform i Norsk rikskringkasting. Bergen: Institutt for administrasjon- og organisasjonsvitenskap, 1992. 200 s.
9. Nergården I. C. M. Et hamskifte. Distriktskontorenes plass i det nye NRK-systemet 1990-2000. Oslo: Institutt for medier og kommunikasjon, 2000. 28 s.
10. NRK mot år 2000. Oslo: Omkring NRK, 2001. 20 s.
11. Østbye H. Hvem eier norske massmedier? Oslo: Makt- og demokratiutredningen, 2000. 26 s.
12. Ottosen R., Ressland L. A., Østbye H. Norskpresseshistorie. Oslo: Samlaget, 2002. 240 s.
13. Selmer K. S. Hva Ønsker vi av NRK? Oslo: Minerva, 1967. 36 s.
14. Smeland S. Utvalgettild utrede distriktskontorenes plass i Norsk rikskringkasting. Oslo: OmKring NRK, 1971. 26 s.
15. Syvertsen T. Ny teknikk, ny politikk og nye medier. Hovedoppgave. Report no. 4. Bergen: Department of mass communication, 1996. 40 s.
16. The Norwegian press. Nytt fra Norge. Oslo, 1995. 36 s.
17. www.nrk.no/Radio (дата обращения: 26.01.2017).

THE FUNCTIONING OF NORWEGIAN NRK BROADCASTING COMPANY UNDER THE GENERAL POLITICAL SITUATION AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES

Teplyakova Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Political Science
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad
step12002@mail.ru

The article examines the functioning of Norwegian NRK broadcasting company under the Norwegian general political situation at the turn of the XX-XXI centuries. The author analyzes the changes in the broadcasting policy of the Norwegian basic broadcasting company after the abolition of broadcasting monopoly and describes the NRK activity under new conditions of competition at the Norwegian mass media market.

Key words and phrases: Norsk Rikskringkasting; Storting; social and legal broadcasting system; local broadcasting act; Programbladet.

УДК 821.35.0

В статье исследуется символический и связанный с ним номинологический план повести Х. И. Теунова «Аслан». Основное внимание сосредоточено на проблеме толкования и соотношения имен персонажей повести в их связи с ее лейтмотивом. Прослеживается предопределенность духовной трансформации главного героя семантикой его имени, также посредством интерпретации имен выявляются функции отдельных персонажей, скрытые в подтексте произведения.

Ключевые слова и фразы: символ; образ; номинологический аспект; повесть; лейтмотив; трансформация.

Шетова Римма Адиевна, к. филол. н.

Урусов Руслан Хаталиевич

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
r.shetova@yandex.ru; urkbr07mail.ru

СИМВОЛИКА И НОМИНОЛОГИЯ ПОВЕСТИ Х. И. ТЕУНОВА «АСЛАН»

Одна из очевидных и наиболее актуальных мировоззренческих задач, стоявших перед национальными литературами 1930-40-х годов, – воссоздание процесса становления нового человека; и жанр повести в этом смысле не был исключением. Идеал нового человека «не имеет собственных корней в кабардинской культуре, зато вступает в нее с собственной незамысловатой эстетикой и собственным мировоззренческим обоснованием» [3, с. 156]. В свете этого значимой в своей неординарности вехой кабардинской литературы тех лет представляется повесть «Аслан», принадлежащая перу в то время молодого еще автора Х. И. Теунова (1912-1984). Работа над повестью была завершена предположительно в 1939 году, а в 1941 г. состоялось ее первое книжное издание в сборнике произведений с одноименным названием [8]. Как указывает А. Х. Хакушев, судя по черновым записям писателя, она долго перерабатывалась и имела несколько вариантов [10, с. 65-67]. Русскоязычному читателю повесть стала известна в переводе М. Киреева, также она была переведена на иностранные языки – английский, немецкий, французский, испанский, польский. Это первое произведение кабардинской литературы советского периода, опубликованное за рубежом. Интересно, что сюжет опубликованного в 1941 году варианта в дальнейшем также подвергался сокращениям и переработке. В послевоенной версии были устранены фрагменты, изображавшие революционную будущность главного героя [Там же, с. 71-72]. После подобных сокращений, в особенности после изменения финала, многие мотивы, прогрессивные для времени написания повести, отошли, зато явственнее зазвучала вневременная составляющая произведения – мотив поиска счастья. Вероятно, этим и объясняется устойчивый интерес литературоведов к повести

«Аслан», ведь смысл данного произведения не замыкается в рамках эпохи и дает каждому поколению возможность для нового прочтения. До настоящего времени символический и тесно связанный с ним номинологический планы повести Х. Теунова не рассматривались. В данной статье будет сосредоточено внимание на проблеме толкования и соотношения имен персонажей повести в их связи с ее лейтмотивом.

Уже первые строки произведения сосредотачивают внимание читателя на номинологическом аспекте образа. Автор подробно разъясняет значение прозвища, приставшего к его герою: «Мишаж – старый матерый медведь, – это прозвище как нельзя лучше подходило к Аслану. Был он огромный, широкоплечий, с лицом, густо заросшим косматой черной бородой. Сильная походка вразвалку, изношенная, побуревшая от солнца черкеска, войлочная шляпа, излохматившаяся по краям, стоптанные чевяки из грубой сырмятины дополняли его сходство с косматым обитателем лесов» [7, с. 319]. Семантика силы изначально заложена уже в имени собственном героя: Аслан – имя тюркского происхождения, означающее «лев». Мишаж и Аслан символически маркируют мощь физическую и, вероятно, духовную. И если первое показано наглядно, то второе пока лишь сокрыто в потенциале, который либо будет реализован, либо останется невостребованным. Ведь, как пишет Э. Афанасьева, «имя в литературном тексте является маркером реализации/нереализации личностного потенциала героя, потенциально находящегося между полюсами славы и бесславия, жизни и смерти, памяти и забвения» [1, с. 23]. Примечательно в этой связи указание А. Х. Хакушева [10, с. 66] на то, что в набросках к повести значится название «Пшихоф», при этом в одном из вариантов имеется также подзаголовок «Несостоявшееся счастье». Пшихоф – имя собственное, имя, в котором зашифровано социальное амплуа, дословно в переводе с адыгского можно истолковать как «хорошо относящийся к князю». Отказ Х. Теунова от имени Пшихоф и выбор его в пользу Аслана объясняет многое. Автор отказывается от «страдательного» и подчиненного начала, заложенного в имени. В потенциале и Аслан, и Мишаж содержат в себе неизбежный бросок вперед, кульминацию заложенной в них природой мощи. В этом смысле не может быть незначимым и то, что судьба сталкивает Мишажа с другим «медведем» – печником Михаилом. «За Михаилами прочно установилось сопоставление их с медведем, как и, наоборот, общеусвоено имя этого последнего – Мишка. Это уравнивание Михаила и косматого зверя делается по признаку неповоротливости, неуклюжести, некоторой растрепанности» [9, с. 616]. В силу драматических обстоятельств с особой ясностью открывается родство, социальное и духовное, двух «медведей». С момента их встречи в повествование приходит предчувствие неизбежных перемен если не в жизни, то в сознании Мишажа. «Медведь – добродушный увальень, но он же и весьма ловок и яростен, когда придет время. Характерна для него не просто его неповоротливость и тяжеловесность, а двойственность его природы, окружившей внутреннюю яростность тяжелым мохнатым обликом. Так же и в Михаиле: было бы крайней ошибкой думать о вялости его темперамента, о внутренней медлительности и заторможенности душевных движений» [Там же]. Главный герой отвечает этой двойственности. Дремлющий потенциал Мишажа раскрывается в эпизоде его столкновения с князем Кушуком и его свитой. Духовная трансформация, совершающаяся в этот момент с Асланом, особенно интересно определяется в сопоставлении с именем князя – Кушук. Здесь уже оказывается задействованным прием скрытого контраста, ибо имя Кушук вызывает прямые ассоциации с легендарными личностями адыгской истории: Кушук Джанхотов – последний верховный князь Кабарды, и доблестный князь Кушук Ажгериев – герой историко-героических песен. В конкретном случае имя, воскрешающее память о легендарных героях, выступает тем фоном, на котором обрисовывается измельчавший и недостойный их тезка. Нынешний носитель этого имени распивает вино в станционном буфете, а дух героизма и доблести, как показывает Х. Теунов, транслируется через человека более достойного – крестьянина Аслана: «– Если вздумашь ползти в мою сторону, Кушук, – грозно шептал он, – то берегись: скоро в твое горло заглянет солнце! – Молчаливый, угрюмый, он теперь легко вспоминал гордые, как заклятые, слова старинных воинов, слова, унаследованные от самих нартов, и смело бросал их в лица врагов» [7, с. 332]. Образ разгневанного героя наделяется ореолом доблести и неуязвимости, духовно роднящим его с национальными героями давно минувшей старины. Это и есть момент кульминации природной силы Мишажа-Аслана.

Но у героя есть еще одно прозвище, и оно непосредственно перекликается с лейтмотивом повести, маркируя устойчивую беспросветность судьбы Аслана: «Угрюмо шла одинокая жизнь этого батрака-силача. Недаром носил он и второе прозвище – “Надоевший аллаху человек”» [Там же, с. 319]. Вряд ли писатель мог сознательно индуцировать подобный подтекст, но столкновение «надоевшего аллаху» героя с печником Михаилом обнаруживает в связи со вторым прозвищем мистический план прочтения, ведь «имя Михаил в переводе с древнеиудейского языка означает “равный, подобный Богу”, также существует вариант перевода – “испрошенный у Бога”» [2]. Таким образом, печник Михаил предстает как символ просветления судьбы Мишажа.

До того как обстоятельства свели Мишажа с Михаилом, на короткий миг его жизни указующим ориентиром счастья стала для него Нисааф – в переводе с адыгского толкуется как «приятная невестка» или же «ласковая невестка». Имя полностью дублирует ту роль, которая отведена этой героине в повести. Это ласковая, приветливая и кроткая хозяйка, женщина с милым обликом – воплощение мечты Аслана о семейном очаге, о тихом островке личного счастья. После падения в пропасть коровы Нисааф по вине княжеского объездчика Ибрагима мечты о семейном счастье Аслана терпят крах. Примечательно, что параллельно появлению именно этих двух персонажей – Нисааф и Михаила – возникает и образ мерцающей звезды. Как известно, «звезда – символ многозначный. Это символ вечности, света, высоких устремлений, идеалов» [6]. Здесь мерцающая в небе звезда символизирует надежду на лучшее. Впервые образ звезды нарушает сумрак его жизни по дороге к дому Нисааф. Звезды робко мерцают над тополем, растущим возле ее домика, затем –

крупная ласковая звезда, которая мигает над ним, когда Аслан, скрываясь от погони, прячется в доме печника Михаила, ярко загорается она и в конце повествования, когда герой, несколько просветленный после общения с Михаилом, отправляется в путь. Примечательно упоминание о том, что это зеленая звезда (цвет исламской религии), и ей, как оказывается, не раз молился Аслан. В этом образе сходится искание праведного, богоугодного счастья (зеленый цвет) и символ новой социалистической эпохи – звезда. Так осуществляется «неосознанный способ маркировки “правильного героя” – нового человека – посредством устойчивой интерпретации правильного как праведного» [3, с. 48]. Ведь и сам себя герой оценивал как проклятого богом человека, поэтому мотив поиска счастья определяется и через возвращение к Богу, через богоугодность. Именно сокращения некоторых фрагментов повести сделали героя если не более многоплановым, то менее предсказуемым. Можно сказать, отказ от революционных мотивов равнозначен здесь отказу от следования схеме в пользу изображения личности, а «что касается идеала в мире личностном, субъективном, то с ним все обстояло гораздо сложнее, и далеко не всегда он дублировал идеал общественный» [4, с. 85]. Как видим, у Аслана свои самобытные представления о добре и зле, о благополучии, пусть иногда ошибочные, неуклюжие и пока что лишенные зачатков прогрессивности. Ранее мы уже подчеркивали нестереотипность этого героя, резко проступившую на фоне новых реалий, которые «выдвинули новые требования к человеку, повлияли на его психику, поведенческие стереотипы, подвергая сложившиеся веками нормы подчас резкой ломке, подвластной не каждому. <...> ломалось индивидуальное начало, подверстывая человека под коллективистские представления и “общий”, хотя где-то в идеальной перспективе, возможно, и заманчивый уклад. А Аслан сохранял это начало, он, собственно, и боролся за него» [5, с. 34].

Целесообразно обратить внимание на еще одно имя. Роковую роль в судьбе героя сыграл персонаж по имени Ибрагим. Это княжеский объездчик, столкнувшийся в пропасть корову Нисаф. Имя кажется вполне нейтральным, между тем и оно оказывается внедренным в контекст религиозности: «Да, молился он плохо, редко посещал мечеть, грешил и не каялся в грехах. “Аллах больше не мог терпеть мои грехи. Вот и послал злобного пса Ибрагима... Вот и не будет никогда мне счастья... Проклятый я, проклятый!” С ненавистью перебирал Аслан дни своей жизни и не находил ни одного дня, достойного доброго мусульманина» [7, с. 326]. Выходит, что отрицательный персонаж, наделенный, однако, именем из Священного Писания – Ибрагим, выступает как символ кары героя за его несправедную жизнь. Так выявляется устойчивый религиозный подтекст повествования, и в этой связи «резонно предположить, что ценностные установки художника, определяющие, в конечном счете, его идеологический выбор, не могут всегда пребывать в полной гармонии с идеалами общественными и общезначимыми» [4, с. 84]. Таким образом, мы можем констатировать предопределенность духовной трансформации главного героя семантикой его имени, а также раскрытие посредством интерпретации имен отдельных персонажей их функций, скрытых в подтексте произведения.

Список литературы

1. Афанасьева Э. М. Онтология имени в творчестве русских писателей начала XIX века. М.: ЛЕНАНД, 2013. 264 с.
2. Значение имени Михаил [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kakzovut.ru/names/mihail.html> (дата обращения: 12.03.2016).
3. Кажарова И. А. Кабардинская поэзия XX века: актуализация идеала. Нальчик: Печатный двор, 2014. 176 с.
4. Кажарова И. А. Противоречивость идеала в эстетической рефлексии 1940-50-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12. Ч. 2. С. 84-88.
5. Мусукаева А. Х., Шетова Р. А. Художественный мир Хачима Теунова. Нальчик: Эльбрус, 2002. 89 с.
6. Символы и знаки [Электронный ресурс]. URL: <http://sigils.ru/symbols/zvez.html> (дата обращения: 10.03.2016).
7. Теунов Х. И. Избранное. М.: Художественная литература, 1976. 429 с.
8. Теунэ Хь. Аслэн. Нальчик: Кабардино-Балкарское издательство, 1941. 72 с.
9. Флоренский П. А. Имена. М.: Эксмо, 2006. 896 с.
10. Хьэжгуащэ А. Хь. Теунэ Хьэчим. Нальчик: Эльбрус, 2013. 268 с.

SYMBOLISM AND NOMINOLOGY OF THE STORY BY KH. I. TEUNOV “ASLAN”

Shetova Rimma Adibovna, Ph. D. in Philology

Urusov Ruslan Khatalievich

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
r.shetova@yandex.ru; urkbr07mail.ru

The article examines the interrelated symbolic and nominological planes of the story by Kh. I. Teunov “Aslan”. The special attention is paid to the problem of interpretation and correlation of personage names in relation to the story’s leitmotif. The authors analyze the predetermination of main character’s spiritual transformation by his name semantics. Interpreting names also allows the authors to identify personages’ implicit functions concealed in the story’s subtext.

Key words and phrases: symbol; image; nominological aspect; story; leitmotif; transformation.